

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВОЙН В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Николай Сергеевич Розов (nrozov@gmail.com)

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия

Цитирование: Розов Н.С. (2025) Закономерности войн в контексте социальной эволюции. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(1): 7–26.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.1> EDN: AHNQKO

Аннотация. Обсуждаются и объясняются множественные эмпирические обобщения, относящиеся к истокам и динамике войн разного типа, сделанные известными политологами и историческими социологами. Обобщения касаются особенностей предвоенных периодов, для которых характерна эскалация конфликтной риторики и взаимных провокаций. Рассмотрена территориальная основа множества военных конфликтов. Традиционная вражда с сериями кризисов также чревата войнами. При примерном равенстве сторон войны становятся затяжными и вовлекают смежные государства. Крупные могущественные государства (великие державы и сверхдержавы) более склонны к развязыванию войн. Также рассмотрены более спорные положения о большом неравенстве в силах как факторе, препятствующем войнам, а также теория «демократического мира». Показана слабость нормативного (моралистического) аргумента, будто в демократиях правители и элиты более миролюбивы. Более основательным представляется экономическое объяснение, согласно которому торгующие между собой демократии из-за этого не склонны воевать. Наиболее сильным является институциональный фактор, связанный со множественностью властных акторов, способных влиять на решения. В этом объяснении используется концепт коллегиальной разделенности власти. Проведено различие между лидерством и гегемонией в международных отношениях, в макросоциологии мировой истории. В контексте социальной эволюции и макросоциологии мировой истории использованы следующие походы: модель смены фаз социального развития, схема «вызов-ответ», расширенная функциональная модель, чередование эпох стабильности и периодов турбулентности, пересекающиеся эпохи экспансии империй и формирования национальных государств. Для таких эпох характерны особые — трансформационные — войны. Хрупкие, слабые, разрушающиеся государства могут проваливаться в гражданские войны, в которые вовлекаются соседи и великие державы.

Ключевые слова: ответы обществ на вызовы, социальная эволюция, риски и угрозы, причины войн, эскалация конфликта, враждебность между государствами, великие державы, коллегиальная разделенность власти, вызов-ответ, национальные государства.

Динамика эскалации

Рассмотрим вначале эмпирические обобщения приведенные Греггом Кэшманом, автором солидного компендиума современных концепций природы, причин и динамики войн:

Большинству войн предшествуют воинственные споры или кризисы с действиями, приводящими к эскалации (враждебности) перед началом войны, что похоже на спираль разрастания конфликта, при том что длительность этой спирали может значительно варьировать (Cashman 2014: 479).

Если войну определить как особую фазу конфликта, то вся предыстория войны с ростом враждебности, взаимной подозрительности, ультиматумами, провокациями и пр., является вполне естественной частью этого конфликта. В модели спиральной динамики значимы дифференцирующие условия, при которых эскалация враждебности оборачивается вспять и приводит к мирным договоренностям: силовой паритет, неопределенность последствий военных действий, опасность массовых жертв, недавний негативный опыт кровопролитных войн. Предположительно, приводящие спиральную динамику к развязыванию войны предпосылки включают отсутствие вышеуказанных условий при добавлении какого-либо сочетания факторов, повышающих вероятность войны. Для уточнения этого тезиса требуется специальный сравнительно-исторический анализ широкого круга войн.

Борьба за землю чревата войной

Наиболее вероятной причиной войны между сопредельными государствами является спор за территорию, хотя не все территориальные споры приводят к войне (государства воюют и по другим вопросам) (Cashman 2014: 479).

Действительно, спорная территория обычно является предметом для широкого спектра забот.

Территория может быть очевидным для соперников *ценным ресурсом*, таковы земли с плодородными почвами, места рудных и нефтяных месторождений, успешного промышленного производства;

Территории бывают *стратегически выгодными* для передвижения войск, для обороны или нападения; таковы проливы, проходы в горах, возвышенности, острова на морских путях и т. п.

Спорная земля может иметь большое *символическое значение* (скопление религиозных святынь, старые столицы, места воинской славы).

Уже неоднократно отмечено, что обретение новой (или возврат старой) территории, как правило, повышает престиж могущества правителя, элит, режима, религии или идеологии, которые связываются с победой и расширением. Таков почти универсальный культурный архетип со времени вождеств (чифдомов) и ранних государств. Территориальное расширение стало главным легитиматором власти в больших царствах, империях, что видно уже в традиционных титулатурах монархов. От этого стереотипа почти никто не свободен, поскольку все неимперские государства сами были когда-то либо империями, либо частями, колониями империй, либо соседями империй или их колоний.

Кроме того, легитиматорская роль территориального расширения соответствует более общим, почти универсальным представлениям об успехе и благе: большой дом, большая семья, большой клан, большой храм, много своей земли. Даже при отсутствии имперских амбиций каждое государство ревностно заботится о сохранении своей территориальной целостности, поскольку риск потери даже не особо значимой в экономическом плане земли является одним из сильнейших вызовов-угроз, а сама потеря вполне закономерно делегитимирует власть и режим.

Чаще воюют давнишние противники

В непропорционально большом проценте войн участвуют постоянные соперники или стратегические конкуренты. Эти государства имеют длительную взаимную историю враждебного взаимодействия, которая, вероятно, включает участие в серийных кризисах и/или милитаризованных спорах друг с другом и, возможно, даже историю предыдущих войн (Cashman 2014: 479).

Очевидное объяснение включает сильные обоюдные установки и возобновляемые чувства враждебности, соответствующие заботы о защите от угроз именно со стороны традиционного противника, чувствительность к любым открывающимся вызовам-возможностям для ослабления этого противника, нанесения ему ущерба. Каждое действие усиливает те же установки враждебности, те же заботы, ту же направленность при создании обеспечивающих структур, а именно военной силы, «заточенной» на будущую войну с традиционным врагом¹.

¹ Ср.: «Прошлые победы приводят к росту амбиций, самоуверенности и в конечном счете к высокомерию. Милитаризм «встраивается» в культуру и институты, в результате чего война воспринимается как нормальное и даже благородное дело, что повышает ее вероятность» (Mann 2023: 52).

Так образуется спираль эскалации отчуждения и враждебности, которая при достижении критических значений прорывается в войнах. В плане решимости воевать эта мегатенденция может быть обозначена как *лифт* (контуры положительной обратной связи между трендами усиления и роста). Та же мегатенденция в плане мирного сосуществования, перспектив обменов и сотрудничества должна трактоваться как *колодец* (контуры положительной обратной связи между трендами ослабления и падения), точнее даже, серия *колодцев*, каждый из которых ведет к обрушению в новую войну.

Известны случаи замирения, даже союзничества прежних военных противников. Самыми известными, пожалуй, являются возникшие после долгой истории конфликтов и войн союзы Англии и Франции в середине XIX в. и в начале XX в.,¹ Германии и Франции в 1950–1960-х годах. Редкость таких случаев говорит о том, что должны появиться достаточно мощные факторы, преодолевающие укоренившиеся установки обоюдной враждебности².

Сильные державы более склонны к войнам

Исторически сложилось так, что крупные, могущественные государства чаще вовлекались в войну, чем небольшие, менее могущественные государства (Cashman 2014: 479).

Ричард Лебоу проанализировал 94 крупнейшие войны с 1648 по 2003 г. и выявил, что в 27 % случаев войны были начаты восходящими державами

¹ В антироссийском союзе в Крымскую войну в середине XIX в. и при последующем создании Антанты такими факторами стали необходимость совместного противостояния двум опасным империям. Россия, нацеленная на Константинополь и Проливы, ставила под вопрос британское доминирование в Средиземноморье, доступ к Суэцу, где уже вовсю шла работа по проектированию канала — будущего короткого пути к Индии как «жемчужине в короне Британской империи». Позже последовало усиление Германской империи, создание ею океанского флота с претензиями на передел колоний. Также сыграла немалую роль долгая история культурных обменов между лидировавшими долгое время в разных областях Англией и Францией, несмотря на их геополитическое противостояние и частые войны. После Первой мировой войны отношения между бывшими союзниками ухудшились вплоть до враждебности, и только необходимость противостоять агрессивной нацистской Германии вновь их сблизил.

² Послевоенный союз Германии и Франции, который за несколько этапов перерос в Европейский Союз, следует связывать не только с противостоянием подкрепленному Варшавским блоком Советскому Союзу, угрожавшему тогда Западной Европе, но и с мягкой геокультурной, геоэкономической конкуренцией в отношении геополитического лидера и защитника — США. Недаром центром нового нарратива стали «Европа» и «европейство» в противовес не только восточному навету «не-Европы», но и «Атлантизму».

(или державами-претендентами — challengers). При этом доминирующие державы (сильнейшие среди великих держав) начинали войны в 25 % случаев, остальные — в 48 % (Lebow 2010: 112).

Дополнительный анализ мотивов у инициаторов войн показал, что в 58 % случаев войны были развязаны из соображений статуса (standing), только 18 % связаны с заботой о безопасности (что плохо согласуется с реалистскими теориями), 10 % войн начаты ради мести, 7 % — ради «интереса» (экономической выгоды) и 7 % — по прочим мотивам (Lebow 2010: 114). Эти результаты позволили Лебоу сформулировать следующий тезис: «Наиболее агрессивные государства — это восходящие державы, стремящиеся к признанию в качестве великих держав, а также доминирующие великие державы, стремящиеся к гегемонии» (Lebow 2010: 112).

Крупные государства — великие державы — становились таковыми, как правило, вследствие прошлых успешных войн. Для восходящих держав эти победы — всегда недавние, свежие опыты триумфа. Такое *положительное подкрепление* по Скиннеру закономерно мотивирует начинать новые войны с надеждой на новые успехи.

Доминирующие державы способны господствовать только при мощной военной организации и соответствующими политической системой, бюрократией, ментальностью элиты и масс. Таковы *структуры*, обеспечивающие *геополитические заботы* — интересы поддержания своего статуса, возмездия обидчикам, удержания завоеванных территорий, сохранения союзов, защиты союзников и сателлитов, расширения влияния и т.п.

Добавим сюда *институциональные идеологии* по М. Манну (Mann 2023: 63–64) и получим полное объяснение тезисов Кэшмана и Лебоу о главных инициаторах войн и их мотивах.

Небольшие государства с малым могуществом не имеют вызовов-возможностей для расширения. Даже когда такие соблазны появляются, у их правителей и элит нет требуемого комплекта для завоеваний: традиционных забот расширения, увеличения легитимности за счет успешных войн, достаточной военной силы и структур ее обеспечения. Поэтому малые и слабые государства чаще оказываются вовлеченным в войны только в качестве жертв внешней агрессии либо как вынужденные союзники своих сильнейших покровителей.

Сильные не воюют со слабыми?

Большое неравенство в силе между государствами способствует скорее миру, чем войне. Поэтому вполне вероятно, что в большинстве межгосударственных войн (хотя и не во всех) участвуют государства, относительно равные по возможностям (Cashman 2014: 479).

Этот тезис представляется более спорным, чем предыдущие. Скорее всего, он нуждается в уточнении: затяжные войны действительно происходят между примерно равными по силе противниками, тогда как при большом неравенстве войны быстро заканчиваются победой сильнейшего. Достаточно указать на вторжение США в Панаму в 1989–1990 гг., на обе иракские войны, на российско-грузинскую войну в августе 2008 г., на недавние войны в Карабахе, в которых победил усилившийся при поддержке Турции Азербайджан.

Дадим объяснение именно затяжным войнам между примерно равными противниками. Захват слабого соседнего государства становится *вызовом-возможностью*, когда такая попытка не грозит слишком большим напряжением для *забот о собственных легитимности, могуществе и безопасности*. Такие напряжения ожидаются, когда придется воевать с сильным союзником жертвы планируемого нападения, или даже с коалицией.

В результате те слабые государства, которые могли быть завоеваны, — уже завоеваны либо спорные периферийные части слабых государств ранее были завоеваны согласно первому принципу геополитической динамики (Коллинз 2015: 82). Если сами слабые государства не поглощены сильными и крупными соседями, значит есть противодействующие факторы, обычно географические препятствия (горы, водные преграды) и/или защита со стороны сильных союзников. Так, Швейцария защищена горами, с ее буферной ролью были вынуждены согласиться Франция и Австрия. Нидерланды и Бельгия традиционно пользовались поддержкой Великобритании от угроз континентальной агрессии со стороны Испании и Франции.

Когда эти факторы ослабевают, чаще происходит аннексия. Таковы были захваты малых и слабых государств войсками Наполеона и Гитлера. Значительное и долгое сопротивление способен оказывать либо примерно равный противник, либо пользующийся значительной поддержкой союзных держав.

Вовлечение соседей

Когда происходит межгосударственная война, в нее почти всегда вовлекаются сопредельные соседи. Если соседи не вовлечены, то одна из воюющих сторон, скорее всего, является крупной державой (Cashman 2014: 478–479).

Начавшаяся война всегда приводит к мобилизации вооруженных сил участвующих сторон, росту потребностей в оружии и боеприпасов, после-

дующему росту военного производства и/или притоку оружия, прочих военных ресурсов извне.

С одной стороны, территории сопредельных государств, пока еще мирных, становятся более уязвимыми для обоих воюющих противников (по модели геополитической уязвимости А. Стинчкомба), что мотивирует руководство соседей противостоять наиболее вероятному агрессору, а значит помогать его противнику [Стинчкомб 2003]. Любая помощь, даже поначалу чисто «гуманитарная» имеет тенденцию превращаться в военную, вплоть до прямого вовлечения в военные действия, поскольку враждебность со стороны вероятного агрессора закономерно растет при любой помощи его противнику.

С другой стороны, любая военная помощь обеим сторонам извне, как правило, должна пересекать территории сопредельных государств или же их приграничные водные пространства. Разрешение на такое пересечение воспринимается всегда с радостью принимающей помощи стороной. То же пересечение вызывает возмущение и рост враждебности со стороны ее противника по отношению к государствам-посредникам, разрешающим передвижение военных ресурсов. Запрет на прохождение военной помощи через свою территорию приводит к обратным реакциям.

Если и есть случаи разрешения со стороны полноценного государства с защищенными границами и собственной военной силой на прохождение военной помощи обеим сторонам большой кровопролитной войны, то они тщательно скрываются.

Полный запрет на такое пересечение в отношении обеих сторон может быть эффективным решением, когда государство (типа Швейцарии) долго и успешно утверждает себя как нейтральное, причем обладает значительной военной силой для обороны. Однако таких государств немного.

Так объясняется обычное вовлечение сопредельных государств в межгосударственные войны. Почему же при участии в войне крупной державы невовлеченность сопредельных государств более вероятна? Сомнительно, что инициатором войны с такой державой бывает малое слабое государство, поскольку обычно именно крупная держава начинает войну согласно принципу уверенности в своей легкой победе. Еще более сомнительно, что соседи малого государства, не будучи сами крупными державами, станут его защищать, вовлекаясь в боевые действия с могучей державой — региональным, тем более глобальным гегемоном.

Крупная держава сама является соседом жертвы своего нападения или обеспечивает логистику через нейтральные воды, обладая способностью доставлять военные грузы на дальние расстояния. Иногда крупная держава использует территории союзных, зависимых соседей этой жерт-

вы, которым не обязательно вовлекаться в войну. Яркими примерами являются обе иракские войны, которые вели и выиграли США при незначительном участии своих союзников, которые также не являются соседями Ирака.

**«Демократии не склонны воевать друг с другом»:
объяснения через мораль и торговлю**

Маловероятно, что зрелые демократии когда-либо будут воевать друг с другом; поэтому пары зрелых демократических государств исключаются из числа государств, которые могут быть вовлечены в войну. Из этого логически следует, что практически во всех войнах будут участвовать диады, в которых хотя бы одно государство является недемократическим (Cashman 2014: 479).

Фактически здесь сформулирован основной тезис так называемой теории демократического мира, идеи которой восходят к Иммануилу Канту (Кант 1994). Эту теорию многократно критиковали на эмпирических основаниях¹. Наиболее непримиримую критику с теоретической, методологической и исторической аргументацией представили неореалисты и конструктивисты². Не вдаваясь в эти споры, рассмотрим теоретические основания данной концепции.

Довольно слабым аргументом в ее пользу является апелляция к *нормативным принципам*: либеральным и универсалистским ценностям, толерантности, стремлению к миру и добрососедству, которые будто бы характерны для граждан, элит и правителей демократических государств. Как и все остальные люди, жители этих стран подвержены эмоциям гнева, нетерпимости, обиды, жажды справедливого возмездия, нетерпимости

¹ Обычно приводят примеры из XIX и начала XX в. В Гражданскую войну Север и Юг США обладали вполне достаточными на то время признаками демократичности, причем с угрозой интервенции со стороны Великобритании, которая тоже считается демократией. Европейские демократии сталкивались в «Борьбе за Африку», в частности Великобритания и Франция — в Фашодском кризисе, хотя войны удалось избежать. В Рурском конфликте 1923 г. Франция и Бельгия оккупировали богатый углем Рурский регион, что вызвало всеобщее возмущение в Веймарской республике. Совершались нападения немцев на оккупантов, те проводили карательные операции, но войны не было. Начиная с половины XX в. военных столкновений между демократиями действительно немного. Обычно называют вторжение Турции на Кипр в 1974 г., войну между Израилем и Ливаном в 1982 г., причем в обоих случаях вряд ли можно говорить о консолидированных демократиях и высоком уровне коллегиальной разделенности власти участвующих в конфликтах государств.

² См. критику концепций «демократического мира»: (Окунева 2015).

и даже ненависти. Возможно, эти чувства и соответствующая агрессивная политика чаще направлены на диктаторов и диктатуры, чем на союзные демократии. Но если эти демократии не являются культурно близкими, давнишними, надежными партнерами и союзниками, скрепленными атмосферой доверия, то никаких гарантий дружелюбия не остается.

Широкое неприятие агрессивных войн с середины XX в., ценности мира и установки на мирное разрешение конфликтов через переговоры действительно являются значимым барьером, препятствующим поддержке войн гражданами, особенно против государств со сходными порядками. Этот барьер существует и для политиков, в том числе правителей, способных инициировать войны, поскольку в условиях демократической сменяемости власти избранные политики зависят от избирателей. Однако непреодолимым этот барьер точно не является, особенно когда всерьез задеты достоинство и самолюбие нации, ее жизненно важные интересы. Таким образом, моральные установки имеют значение, но могут перекрываться более сильными символами, особенно связанными с базовыми заботами поддержания престижа и роста благосостояния.

Аргументация, связанная с *экономической взаимозависимостью* развитых и богатых демократий, имеет более структурный и основательный характер. Действительно, долгая активная торговля, взаимные инвестиции, включенность во взаимовыгодное сотрудничество укрепляют доверие между народами, элитами, правителями государств-партнеров. Войны между такими державами рушат сделки, прерывают экономический рост, снижают благосостояние обществ, причем не только представителей бизнеса, но и широкие слои граждан, которые уже в роли избирателей негативно воспринимают такие конфликты.

Опять же здесь речь идет о давнишних партнерах и союзниках, как правило, более или менее культурно близких, но такие отношения есть между далеко не всеми демократиями. Материальные, экономические заботы всегда важны, но и они не являются абсолютными барьерами, когда гнев, жажда справедливого возмездия, связанные с защитой святынь, поддержанием идентичности и самоуважения требуют воинственных действий.

«Демократический мир» и коллегиальная разделенность власти

Наиболее сильными представляются *институциональные аргументы*. В либеральных демократиях решения и действия правителей ограничены наличием разделения властей, «системой сдержек и противовесов», развитыми институтами гражданского общества. Предполагается, что хотя бы некоторые из этих структурных элементов способны препятствовать

развязыванию новой войны, удерживать правителей от таких решений и действий.

Что касается *ветвей власти*, то национальные суды обычно не имеют никаких полномочий в сфере внешней политики. Согласие парламентов на инициативные военные действия действительно обычно требуется, что зафиксировано в конституциях. Но всегда ли большинство в парламентах демократических стран будет голосовать против внешних военных операций? Даже если эти операции направлены против другого формально или реально демократического государства?

При широком общественном согласии относительно жесткого ответа на вызов-угрозу, такие действия обычно поддерживаются центральным парламентом, особенно с доминирующей партией, лояльной полномочному во внешней политике лидеру государства. Как правило, такой уровень согласия возникает *при вызове-угрозе в отношении забот государственного престижа и/или национальной безопасности*.

Внешние военные операции совершаются демократиями при необходимости пресечь атаки, резню, бомбежки, геноцид в других государствах. Можно было бы возразить, что столь возмутительные действия, требующие вмешательства, нигде и никогда не совершаются государствами, где есть конституция, проводятся выборы и сменяется власть. Однако при взгляде на страны Черной Африки, Центральной и Южной Азии, Центральной и Южной Америки этот тезис оказывается, мягко говоря, сомнительным.

Пожалуй, сильнейшим антивоенным фактором в демократиях является пресловутая *система сдержек и противовесов*. Как ни странно, относительно нее нет отдельной развитой теории. В основных отечественных и западных справочниках, в специальной литературе этот концепт сводится к тому же *разделению властей*. Однако к «сдержкам и противовесам» относится также межпартийная борьба в парламентах, любые порядки принятия решений с правом вето, сложные взаимодействия между центром и регионами, между разными силовыми структурами, между министерствами внутри правительства, между центральными финансовыми ведомствами, между органами территориального и ведомственного управления.

Столь значимый элемент и фактор демократии, будучи выраженным привычным словесным штампом «сдержки и противовесы», гораздо яснее эксплицирован в понятии *уровень коллегиальной разделенности власти*, который Р. Коллинз считает главным критерием демократичности политической системы (Коллинз 2015: 201–206).

Наиболее близка к сущности этого понятия известная метафора, приписываемая Бенджамину Франклину: «Демократия — это договоренность

о правилах поведения между хорошо вооруженными джентльменами». Иными словами, каждая сторона (центр силы) обладает такими средствами самозащиты, что ее нельзя уничтожить, подавить, устранить. Поэтому стороны не «стреляют», но мирно договариваются о правилах дальнейших взаимодействий, ограничивая чьи-либо чрезмерные поползновения, препятствуя как узурпации власти, так и опасным авантюрам, прежде всего развязыванию новых войн (Розов 2011: 369–274).

В этом плане «теория демократического мира» получает естественное теоретическое объяснение. Множественность центров силы и политического влияния при высоком уровне коллегиальной разделенности власти (читай: реальной высокой демократичности) ограничивает интересы правителей и элит, побуждающие их начать войну.

Почему же множественные акторы не склонны принимать решения о начале войны против другого демократического государства? Для такого решения нужен консенсус большинства акторов, в том числе социальных движений, которые в либеральных демократиях имеют значительное политическое влияние. Судя по результатам недавних исследований с использованием статистического сопоставления разнородных данных¹, тезис о множественности сдерживающих акторов получает эмпирическое подтверждение.

Для укрепления международной безопасности недостаточно повысить конкурентоспособность избирателей или качество выборов. Такие меры должны также включать укрепление горизонтальных механизмов эффективного сдерживания исполнительной власти, содействие развитию более активного гражданского общества, которое следит за деятельностью лиц, осуществляющих исполнительную власть, и сдерживает ее; целесообразно также сочетание этих двух способов. Если целью является порядок в международной системе, то реформы, расширяющие возможности законодательной и судебной ветвей власти по отношению к исполнительной, не должны игнорироваться наряду с избирательной реформой, а продвижение инициатив организованных и активных граждан в гражданском обществе должно дополнять укрепление оппозиционных политических партий (Hegre et al. 2020: 53).

¹ В качестве зависимой переменной была взята интенсивность межгосударственных вооруженных конфликтов (fatal MIDs — militarized interstate disputes в версии MID v4.1), а независимыми переменными служили численные показатели уровней развития демократии и гражданского общества (Varieties of Democracy — V-Dem data). Использовались доступные данные по 173 странам в период 1900–2010 гг. (Hegre et al. 2020: 40–44).

Политическая культура внутренней политики демократий, основанная на соблюдении общих безличных правил и нетерпимости к нарушителям, следующим образом распространяется на контекст внешнеполитических решений.

Если партии вынуждены соблюдать правила внутри страны, значит и государствам следует соблюдать правила на внешней арене. При агрессии, нарушающей такие правила, следует ожидать широкое возмущение и складывание коалиции, направленной на наказание нарушителя и восстановление *status quo*. Поэтому подлинно демократическое государство не пойдет на явную, возмущающую партнеров агрессию, особенно против другой демократии, поскольку потеряет авторитет и легитимность.

Авторитарные гегемоны и демократические лидеры

Исключением бывает *гегемон*, подчинивший себе остальных и убежденный в оправданности своих привилегий. *Лидер* же среди демократий, совершающий не признаваемое ими вторжение, тем более воюющий с демократиями, закономерно теряет свое лидерство.

Демократическая держава скорее войдет в коалицию, восстанавливающую справедливость согласно безличным правилам — нормам международного права. *Настоящий лидер среди демократий обязан создавать такую коалицию и подчинять свою политику этому праву.*

Итак, войны между демократиями действительно менее вероятны, что получило теоретическое объяснение. Именно так устроены современные развитые (и неслучайно богатые) либеральные демократии — они имеют мощную «систему сдержек и противовесов», т. е. высокий уровень коллегиальной разделенности власти.

Тезис «демократии не воюют между собой» может быть неверным в качестве позитивистского эмпирического обобщения, но дает воодушевляющую политическую перспективу. Его следует не столько опровергать (в чем с американскими неореалистами сошлись отечественные критики западной демократии), сколько уточнять, возвращая его драгоценное зерно — смелую идею Канта о *должном устройстве миролюбивых государств*.

И правда, весьма затруднительно назвать войны между такими зрелыми демократиями, каждая из которых обладает: а) высоким уровнем коллегиальной разделенности власти, б) соответствующей политической культурой уважения к общим безличным правилам и в) нетерпимостью к их нарушениям как внутри страны, так и на внешней арене.

Войны и этапы социальной эволюции

Обратимся к наиболее широкому контексту — макросоциологии мировой истории. Среди множества общих взглядов на структуру и ход истории (историософских, макросоциальных парадигм) рассмотрим только модель смены фаз социального развития (Дьяконов 2007; Розов 2019: 347–365), схемы «вызов — ответ» (Тойнби 2019), расширенную функциональную модель (Stinchcombe 1987), пересекающиеся эпохи экспансии империй и формирования национальных государств (Wimmer 2013).

Данные парадигмы выбраны по двум критериям: а) учитываемые в них исторические изменения, крупные социально-эволюционные сдвиги напрямую связаны с массовым насилием (международными и гражданскими войнами, революциями), б) концептуальная близость и совместимость парадигм между собой.

Войны в начальных фазах социального развития (серии битв между первобытными бродячими группами, деревнями, варварскими вожествами, ранними государствами) представляют собой самостоятельные предметные области, которым посвящена огромная, преимущественно антропологическая литература. Представление о масштабных эмпирических исследованиях, концепциях в этой сфере, особенно в 1940–1970-х годах можно получить из фундаментальной книги Йохана ван дер Деннена «Происхождение войны. Эволюция воспроизводственной стратегии мужских коалиций» (Dennen van der 1995)¹. Наиболее близки к развиваемому здесь подходу функционалистские концепции.

Вайда предположил, что функции первобытной войны могут заключаться в поддержании одной или нескольких переменных (например, соотношения человек/земля) или видов деятельности в определенном состоянии или в определенном диапазоне состояний. Он грубо обозначает эти переменные как психологические, социально-политические, экономические и демографические (Dennen van der 1995: 267).

Здесь же ван дер Деннен излагает вполне здравую критику функционалистских объяснений войны. Он считает, что они не фальсифицируемы, заменяют причины и происхождение войн функциями, подверстывают любые факты под «адаптацию».

¹ Об охвате эмпирического материала говорит только такой факт: из 863 страниц книги Деннена 153 страницы занимает библиография. Войны в догосударственных обществах также обсуждаются в сборнике: (Fry 2013). Об уровнях и динамике воинственности догосударственных сообществ см. также: (Sponsel 2015; Malešević 2017).

Однако включенность войн в социальные порядки взаимодействия выглядит вполне реалистичной при замене «функций» на «заботы». К войнам древнейшие безгосударственные общества и ранние государства были движимы прежде всего социально-политическими заботами (о власти, доминировании, авторитете и престиже среди соплеменников, отстаивании независимости своего сообщества) и экономическими заботами (стремлениями захватить богатые земли, получить доступ к ценным ресурсам, восполнить нехватку женщин, детей, рабов).

Примерно с 1500 г. фазы предмодерна (1500–1648), раннего модерна (XVII–XVIII вв.), этапы классического модерна (XIX–XX вв.) включают масштабные процессы колонизации, рост мировых империй, а также появление национальных государств (со становлением США и Французской революцией), последующее неуклонное расширение их круга через распад империй.

Во время Венского конгресса 1814/1815 гг. империи владели примерно половиной поверхности земного шара, а «другие» политические системы, такие как племенные конфедерации, города-государства или династические королевства, контролировали остальную часть земного шара... В 2001 г. современные национальные государства управляли практически всем земным шаром. Два столетия, прошедшие между ними, рассказывают о борьбе между строительством империй и формированием национальных государств. Империи вытеснили «другие» формы правления в XIX в., в основном благодаря экспансии западных колониальных империй в Африке и Азии, а также потому, что империя Романовых поглотила ханства Центральной Азии. В то же время в Западном полушарии, прежде всего в Латинской Америке, на смену империи пришли национальные государства (Wimmer 2013: 114).

Становление национальных государств и трансформационные войны

Андреас Уиммер связывает большинство войн последних двух веков именно со становлением национальных государств. Тут вместо обычных рамок теории международных отношений с сопоставлением могуществ отдельных держав как неких постоянных сущностей применяется совсем иной подход, который можно назвать *трансформационным*.

Войны особенно вероятны, если на карту поставлены базовые институциональные принципы политической легитимности: неформальные и формальные правила, определяющие, кто законно может претендовать на государственную власть и каковы должны быть

легитимные границы государства. Таково подлинно политическое понимание войны, в котором экономические интересы или военно-техническая целесообразность играют второстепенную роль. С этой точки зрения война является не следствием анархической природы международной системы (как в реалистской теории), не результатом взлета и падения глобальных гегемонов, не результатом революционного классового конфликта, а борьбой между конкурирующими проектами государственного строительства, основанными на различных принципах политической легитимности (Wimmer 2013: 115).

Пожалуй, резонно выделить особые *трансформационные войны*, в которых международные войны тесно сплетаются с гражданскими и национально-освободительными (сепаратистскими) войнами и революциями, причем зачастую отделить их между собой можно только условно. Неслучайно процессы получения независимости Североамериканских штатов, а затем Ирландии от Британской империи называются и «освободительными войнами», и «революциями». Формально они же могут быть названы «гражданскими войнами» внутри одного имперского государства.

Уиммер справедливо указывает, что такого рода войны наиболее вероятны в ситуациях «разделенных народов», когда части этноса с одной идентичностью, культурой и языком оказываются по разные стороны политических границ.

Война более вероятна, если в новых государствах проживают значительные меньшинства, которые составляют большинство в соседних государствах и, таким образом, имеют «родное государство», которое должно представлять их интересы и чаяния... в парах государств будет наблюдаться более высокий уровень конфликтов (включая войны), если этническая группа доминирует в одном государстве и подчинена или мобилизована на антиправительственные протесты в соседнем государстве (Wimmer 2013: 118).

Правомерно и удобно говорить не столько об особом замкнутом классе трансформационных войн, сколько о *трансформационном аспекте* различных войн, который максимален при появлении новых государств с новой территорией, типом легитимации власти и базовыми внутренними политическими отношениями (например, сословной иерархии или гражданского равенства). Именно в становлении национальных государств этот аспект более всего выражен.

Такие войны, впрочем как и все гражданские военные конфликты, характеризуются трудностью четкого отнесения их к преднамеренным или непреднамеренным. Здесь не сплоченные правители и элиты решают

расширить границы за счет возврата утерянных или присоединения новых земель, поэтому нет преднамеренного начала войны. События развертываются иначе.

Политические группы — партии в широком смысле, коалиции, обладающие военным ресурсом, стремятся не только убеждением, но и силой установить на определенной территории «правильный» и нужный им порядок, будь то восстановление прежней империи, построение общества без рабства, или без сословий, или без частной собственности и эксплуатации, или с парламентом и сменяемой властью, или с доминированием отдельного этноса, сконструированного «народа», «нации» и т.д. Здесь можно говорить о преднамеренности только в отношении каждого политического актора — центра силы в эскалации гражданского конфликта.

Гражданские войны в слабых государствах

Если ни одной группировке не удастся учредить устойчивые, легитимные и ресурсно обеспеченные государственные институты, тогда охватывающим условием остается «слабое государство», зачастую подверженное повторяющимся и затяжным гражданским войнам. Хрестоматийным примером является Сомали, но также другие государства Центральной Африки. В известные периоды также Бирма (Мьянма), Афганистан, Колумбия относятся к этому паттерну. Анна Хиронака выделяет следующие причины затяжных гражданских войн в «слабых государствах».

Во-первых, слабые государства не свободны от влияния общества, которое подрывает способность правительства вести переговоры, заслуживающие доверия, и препятствует дипломатическому решению проблемы гражданской войны.

Во-вторых, слабые государства не обладают военным потенциалом, необходимым для уничтожения оппозиционных группировок. Вместо этого они, как правило, применяют жестокие, неизбирательные тактики, например, уничтожают целые деревни, пытаясь ликвидировать укрытия партизан, что вызывает симпатию к повстанцам.

В-третьих, такие государства зачастую не в состоянии контролировать свою территорию и границы, фактически уступая повстанцам периферийные регионы в качестве убежищ, откуда они могут совершать свои нападения.

В-четвертых, слабые государства часто являются хозяевами таких же слабых и раздробленных обществ. Эти общества порождают дезорганизованные и разрозненные повстанческие группировки, которые зачастую не способны к скоординированным действиям

и не могут соблюдать достигнутые в ходе переговоров договоренности (Hironaka 2005: 69–70).

Отметим, что разрушение привычных концептуальных схем анализа войн при таком подходе никак не отменяет более базовых понятий. В каждом случае можно выделить главных акторов с теми лицами или группами, которые принимают *терминальные решения*. Эти акторы имеют свои *заботы* о власти, о силовой, популярной, авторитетной и международной легитимности, о внешней поддержке. Они испытывают *вызовы-угрозы* прежде всего со стороны соперничающих сил и *вызовы-возможности* как раз касающиеся захвата власти и проектов государственного строительства.

В плане поступательного характера социальной эволюции следует учитывать, что общества никогда не поднимаются одновременно на новую ступень эффективности порядков. Всегда есть первопроходцы, которые рано или поздно вступают в конфликт с лидерами и/или гегемонами — представителями предыдущей ступени. Начать войну могут те и другие. Конкретные поводы, вызовы, ответом на который становится война, бывают самые разнообразные, однако вряд ли можно найти такой случай в истории столкновений прежнего и нового лидера, чтобы дело не касалось универсалий Вебера-Манна: *забот могущества/безопасности, власти-влияния, богатства-благополучия и престижа-достоинства-легитимности* (Манн 2018).

Таким образом, быстрый рост эффективности порядков в обществе новой фазы всегда приводит к *дисбалансу могущества, вызовам-возможностям* для этого общества и *вызовам-угрозам* для соперника с порядками прежней ступени. Чем масштабнее война и чем более впечатляющи ее итоги, тем к более существенным сдвигам она приведет в плане социальной эволюции: именно у победителей разные общества будут брать примеры для обновления своих порядков.

Заключение

Проведенный анализ показал, что войны ни в коем случае не являются выражением «хаоса», «безумия», «зверства» и т.п. Войны, меняющие свой характер в ходе социальной эволюции, начинаются, протекают, завершаются и возобновляются соответственно познаваемым закономерностям, что, разумеется, не исключает всегда присутствующие в реальной истории случайно складывающиеся обстоятельства разных типов и масштабов.

Сугубо эмпирические наблюдения обозревателей многих десятков и сотен войн отчасти требовали уточнения, но в своем большинстве они

получили основательные теоретические подтверждения. При этом был использован понятийный аппарат, включающий социальные универсалии М. Вебера и М. Манна (власть, богатство, престиж, насилие/безопасность), расширенную схему А. Тойнби (ответы на вызовы-угрозы и вызовы-возможности), модель А. Стинчкомба (коэволюция забот и обеспечивающих структур), закономерности положительного и отрицательного подкрепления Э. Торндайка и Б. Скиннера, принципы геополитической динамики и коллегиального разделения власти Р. Коллинза. Эти весьма разнородные концепты с разными степенями известности, сложности и нетривиальности показали способность к продуктивному совмещению.

Следует также отметить, что выявленные закономерности возникновения войн отнюдь не свидетельствуют в пользу их неизбежности, фатальности. Трансформация обстоятельств разной природы и глубины, ведущих к войнам на разных этапах социальной эволюции, в теоретическом плане вполне способна прекратить войны. Практическая реализация таких стратегий далека от достижения, что показывает трагическая история первых десятилетий XXI в. Однако растущее знание объективных и субъективных условий, способных переводить действительно неизбежные межгосударственные, межэтнические, классовые конфликты в мирное русло правовых и демократических процедур, дает вдохновляющие надежды.

Смелые идеи Канта относительно республиканизма, учета воли граждан, правового порядка во внутренней и внешней политике лишь отчасти воплотились в множественных международных организациях, в том числе правовых и судебных. Для установления пусть не «вечного», но долгого, надежного и справедливого мира еще многое предстоит сделать.

Литература / References

Дьяконов И. М. (2007) *Пути истории. От древнейшего человека до наших дней*. М.: Комкнига.

Dyakonov I.M. (2007) *Ways of History. From the most ancient man to our days*. Moscow: Komkniga (in Russian).

Кант И. (1994) К вечному миру. Кант И. *Сочинения на немецком и русском языках*. М.; Марбург: Ками. Т. 1: 353-477.

Kant I. (1994) Perpetual Peace: A Philosophical Sketch. In: Kant I. *Works in German and Russian*. Moscow; Marburg: Kami. Vol. 1: 353-477 (in Russian).

Коллинз Р. (2015) *Макроистория. Очерки социологии большой длительности*. Пер. с англ. Н.С. Розова. М.: УРСС.

Collins R. (2015) *Macrohistory. Essays in Sociology of the Long Run*. Moscow: URSS (in Russian).

Манн М. (2018) *Источники социальной власти*. Т. 1. Пер. с англ. Д.Ю. Карасева. М.: Дело.

- Mann M. (2018) *The Sources of Social Power*. Vol. 1. Moscow: Delo (in Russian).
- Окунева Е.С. (2015) Критика теории «демократического мира»: от реализма к конструктивизму. *Сравнительная политика*, 21(4): 6–9.
- Okuneva E.S. (2015) Critique of the theory of “democratic peace”: from realism to constructivism. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 21(4): 6–9 (in Russian).
- Розов Н.С. (2011) *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЭН.
- Rozov N.S. (2011) *Track and Pass: The Macrosociological Foundations of Russia's strategies in the 21st century*. Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Розов Н.С. (2019) *Философия и теория истории. Книга 1. Прологомены*. М.: УРСС.
- Rozov N.S. (2019) *Philosophy and Theory of History*. Book 1. Prolegomena. Moscow: URSS (in Russian).
- Стинчкомб А. (2003) Геополитические понятия и военная уязвимость. Пер. с англ. В.В. Горошко. *Война и геополитика. Альманах «Время мира»*, 3: 288–300.
- Stinchcombe A. (2003) Geopolitical concepts and military vulnerability. In: *War and Geopolitics. The Almanac “The World Time”*, 3: 288–300 (in Russian).
- Тойнби А.Дж. (2009) *Исследование истории: Возникновение, рост и распад цивилизаций*. Пер. с англ. К.Я. Кожурина. М.: АСТ.
- Toynbee A. J. (2009) *The Study of History: The Emergence, Growth and Decay of Civilizations*. Moscow: AST (in Russian).
- Cashman G. (2014) *What Causes War? An Introduction to Theories of International Conflict*. Rowman & Littlefield.
- Dennen Van der J. (1995) *The Origin of War*. Groningen, Netherlands: Origin Press.
- Fry D. (ed.) (2013) *War, Peace, and Human Nature: The Convergence of Evolutionary and Cultural Views*. Oxford University Press.
- Hegre H., Bernhard M., Teorell J. (2020) Civil society and the democratic peace. *Journal of Conflict Resolution*, 64(1): 32–62.
- Hironaka A. (2005) *Neverending Wars*. Harvard University Press.
- Lebow R. N. (2010) *Why Nations Fight*. Cambridge University Press.
- Malešević S. (2017) *The Rise of Organised Brutality: A Historical Sociology of Violence*. Cambridge University Press.
- Mann M. (2023) *On Wars*. Yale University Press.
- Sponsel L. (2015) Peace and Nonviolence, Anthropological Aspects. Wright J. (ed.) *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. Amsterdam: Elsevier Press: 624–630.
- Stinchcombe A. (1987) *Constructing Social Theories*. University of Chicago Press.
- Wimmer A. (2013) *The Waves of War: Nationalism, State Formation and Ethnic Exclusion in the Modern World*. Cambridge University Press.

REGULARITIES OF WARS IN THE CONTEXT OF SOCIAL EVOLUTION

Nikolai S. Rozov (nrozov@gmail.com)

The Institute for Philosophy and Law, Branch of Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Citation: Rozov N.S. (2025) Regularities of wars in the context of social evolution. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(1): 7–26 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.1.1> EDN: AHNQKO

Abstract. The article discusses and explains multiple empirical generalizations related to the origins and dynamics of wars of different types made by prominent political scientists and historical sociologists. The generalizations concern the peculiarities of the pre-war periods, which were characterized by escalating conflict rhetoric and mutual provocations. The territorial basis of many military conflicts is examined. Traditional feuds with a series of crises are also fraught with wars. If the parties are roughly equal, wars become protracted and involve adjacent states. Large powerful states (great powers and superpowers) are more likely to start wars. Also considered are the more controversial positions on great power inequality as a factor preventing war, as well as the theory of “democratic peace”. The weakness of the normative (moralistic) argument that rulers and elites are more peaceful in democracies is shown. Also unconvincing is the economic explanation, according to which democracies that trade with each other are therefore not inclined to go to war. The strongest is the institutional factor related to the plurality of power actors who can influence decisions. This explanation utilizes the concept of collegial power sharing. A distinction is made between leadership and hegemony in international relations. macrosociology of world history. The following approaches have been used in the context of social evolution and macrosociology of world history: the model of changing phases of social development, the challenge-response scheme, the extended functional model, the alternation of epochs of stability and periods of turbulence, the intersecting epochs of empire expansion and the formation of nation-states. Such epochs are characterized by special — transformational — wars. Fragile, weak, crumbling states can fall into civil wars that involve neighbors and great powers.

Keywords: societies’ responses to challenges, social evolution, risks and threats, causes of war, escalation of conflict, hostility between states, great powers, collegial power-sharing, challenge-response, nation-states.